

Евгений Груздов

Геральдика женского тела

Евгений Владимирович Груздов
Геральдика женского тела

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35481512
ISBN 9785447412982

Аннотация

Любовь к женщине и любовь к геральдике – что победит? Куртуазный роман о любви юного книжника к своей госпоже. Рассказ о путешествии Паладина в поисках Прекрасной дамы.

Геральдика женского тела
Евгений Владимирович Груздов

© Евгений Владимирович Груздов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Я получил письмо из прошлого… И дело даже ни в том, что написано оно было за два года семь месяцев и три дня до того момента, когда мне его вручили, через четырнадцать дней после того, как его автор ушел из этого мира навсегда. Этот пакет – признание в любви, признание в ответ на мою дерзость, которую я совершил без малого 55 лет тому назад. И тот мой искренний юношеский порыв так бы и остался дерзостью, если бы через столькие годы я ни получил бы, действительно долгожданный, ответ.

Теперь, чтобы исполнить последнюю просьбу моей возлюбленной, я берусь вспомнить и изложить на пергаменте всё, что касается этого романа, из того, что еще сохранила моя предательница-память, дополнить это бумагами, что так бережно хранила все эти лета шкатулка моей любимой (цените трудолюбие простых вещей) и вынести всё это на суд людской, в надежде на то, что история эта послужит укором

трусливым и примером жестокосердным. Но и это не главное.

Скоро мне предстоит узнать, есть ли геральдика на Небесах, или то, что является одновременно искусной наукой и умным искусством, выражает только земные дела. Но даже если мой опыт там окажется никому не нужен, теперь я не с пустыми руками приду на Суд.

Я родился со знаком мулет на щите и короной с двумя жемчужинами над щитом. Четвертый сын благородного отца без титула и денег. Господь, создавая меня, решил не обременять меня не только наследством, но и здоровьем. Худой и болезненный, впечатлительный мальчик с большими мечтательными глазами, таким меня увидел мой учитель виконт Корвин герольд герцога Нагорского. Сколько уже лет прошло, а я до сих пор удивляюсь такому счастливому повороту судьбы. Вот же тайна, какая из двух ос нашего семейного герба (серебряная справа или зеленая слева) укусила моего отца, когда он избавился от лишнего нахлебника, а я получил то, о чем и мечтать не мог: тихое благородное занятие для сердца, ума и рук.

Многие думают, что геральдика – это строгая наука, мол, для всего есть своя фигура и поле, финифть или метал. В большей части так оно и есть, но не в главной. Большинство этих правил есть всего лишь установления. Истинные установления служат красоте. Те из вас, кто хоть чуточку знаком с гербоведением, знает, что красота эта совсем

не в том, как рисовальщик изобразил. Один так, другой эдак, кто, следуя таланту, кто – капризам эпохи. Построить герб – это, как написать стихи. Когда ты не просто повторяешь то, что явлено, но когда ты доходишь до самой сути того, для кого создаешь герб. И порой именно через твоё произведение он впервые открывает главное знание о себе самом, кто он есть. И ни в каких трактатах, где вы отыщите все правила и даже более того, напрямую этого не прописано. И то, что я только что написал, такая же пустая болтовня, которая никого ничему не научит.

Мне повезло с учителем. В конце своего пути он прикоснулся к этой тайне, увы, только в конце. Но то, томление о сокровенном, которое он старый переживал, как юнец на моих глазах, позволило мне начать свой путь с того, чем он его заканчивал. Юность легче учится у юности, легко впитывая всякие глупости, чему она еще может научить? Мне повезло, понимал ли я это тогда? Не столь отчетливо, пожалуй.

Так в постоянных штудиях прошли первые годы моего ученичества. Я ничего не замечал вокруг и ничего не знал, кроме своей любимой геральдики. Казалось, что ничего на Свете не сможет впечатлить меня более чем симфония из знаков и символов – фигур и тинктур.

Но случилось невероятное, а на самом деле самая обычная вещь, которая может произойти с молодым человеком. Я полюбил женщину.

Метаморфоза, которую я пережил, была столь стреми-

тельной и мощной, что я до сих пор удивляюсь, как остался в здравом уме, да и вообще жив. Теперь, когда я неоднократно наблюдал за тем, что происходит с людьми в этом возрасте, осмелюсь предположить, что в случае со мной, виной всему та несогласованность в развитии тела и ума, которую я в ту пору являл. Мои сверстники уже давно мнили себя мужчинами, подтверждая этот титул при дворах, в поединках и странствиях. Со мной всё было иначе. В отличии от них, я тратил своё драгоценное время на постижение наук вообще и геральдики в особенности, тем самым развивая свой ум, в то время как тело моё было телом мальчика, которому и нужно-то было, что побегать да попрыгать в детских играх. Но и этого я лишал себя, ради того, чтобы уже тогда знать то, чего многие благородные мужи не узнают даже в старости. Если уподобить наше тело сосуду, то сначала его наполняют водой. Потом воду подогревают, доводя до кипения. Потом она остывает (быстрей у тех, кто справляется с собственными порывами и находит своё семейное счастье), пока она к концу жизни не испарится совсем. Те же, кто продолжает бурлить дольше обычного, они израсходуют себя раньше других. Я же оказался тем сосудом, который начав нагревать, оставили закупоренным. Произошло предсказуемое, в какой-то момент пробка вылетела, и жизненная энергия хлынула через край, чуть было, не опустошив сосуд раньше времени.

Я так долго и обстоятельно писал о себе, для того лишь,

чтобы оставаться справедливым, учитывая все нюансы. Чтобы предварить торопливое высказывание большинства, мол, с кем не бывает! Да, соглашаюсь – с кем не бывает… Но также как герб, есть принадлежность каждой благородной фамилии, он всякий раз есть что-то удивительное и неповторимое. Да, действительно, настал момент, когда я стал приготовленной почвой. Но ведь на этой клумбе могли вырасти и просто сорняки, а могли кроткие лилии или чарующие розы. И вот то, какие вырастут побеги, и смогут ли они набраться силы и принесут ли они плоды или останутся лишь красивым пустоцветом, всё это зависит уже от нас.

Её звали Евгения – старшая дочь герцога Нагорского. Нас разделяли непроходимые стена и ров, заполненный пламенеющей жидкостью – титул, возраст и её помолвка с другим. По правде сказать, разница в возрасте была не столь великой – пять лет, но тогда казалось, что она уже цветущее дерево, а я лишь росток, пробивающийся к свету. Весь двор готовился к предстоящей свадьбе, в череде этих приготовлений нашлось дело герольду и его ученику. Это дело и послужило тому, чтобы мои глаза прозрели, и я увидел, сколь прекрасно может быть человеческое создание.

В тот день мне было поручено обсудить с госпожой Евгенией их брачный герб для оформления парадного зала. Учитель мой, который уже во многом доверялся мне, велел явиться в библиотеку. На какие-то минуты Евгения осталась

одна, и в это роковое мгновение я оказался рядом. Мне было позволено сесть за стол, расположить свои свитки и письменные принадлежности и начать допрос. Именно так она и сказала: допрос. Она совсем не смущалась моего присутствия – какой-то мальчик, ученик герольда – возможно поэтому, она позволила своим чувствам и мыслям отразиться на лице и в интонациях голоса. Величественной и печальной увидел я её.

До того момента я полагал, что человек может лгать, герб – никогда! Сказал: «лгать» – и солгал, правильнее сказать «не соответствовать». Эскиз брачного герба, эмблема предстоящего союза абсолютно не соответствовал чувствам девушки, её лицу, фигуре, манере держаться… И чем больше я сравнивал их, тем сильнее было желание разорвать в клочья пергамент. Стараясь справиться со своим волнением я сидел не шелохнувшись, без звука. Не замечая моего присутствия, девушка взмолилась: «Господи, избави меня. Неужели некому помочь мне, хоть бы какой знак о том, как я должна поступить». Сердце моё билось так сильно, что всем в замке впору было решить, что грянул набат по случаю осады или пожара. Но никто ничего не слышал.

Евгения стояла у окна со случайным томиком в руках вся в белом, а на голове красивая шляпа и ни одного волоска напоказ. Какого цвета у неё волосы, – подумал я, – вот тайна, которую я мечтаю разгадать. И с этой мыслью к моему телу вернулась жизнь – я ни то, наконец, вздохнул, ни то прогло-

тил комок, что застрял у меня в горле. Но в эту таинственную минуту это обычное действие было так ни к месту и произвело столько шума.

Моя госпожа вздрогнула, и в промежутке, когда мысли о не сбыточном таяли, а мысли о действительном проявлялись со всей своей жестокостью, она крикнула обращаясь ни то еще к Господу, ни то уже ко мне «Действуй же наконец, мой господин!» В тот же миг я порвал пергамент и бросился бежать. О возвращении к себе (в апартаменты герольда) не было и речи – я не выполнил задание, я позволил себе нечто лишнее и непонятное. У меня не было никакой возможности объясниться со своим учителем, и в первую очередь, потому, что я ничего не мог объяснить себе самому. Я бежал, сам не зная куда. В конце концов, я оказался на конюшне, упал в сено и долго-долго ревел.

Я был разодран множеством чувств обрушившихся на меня. Тогда рядом с серебряной кобылой на черном поле рождалась моя душа. Тело не способно вместить столько чувств, хватает и тех основных, что составляют наше животное существование. Ум уже способен вместить, но не способен непротиворечиво их связать воедино. Чтобы преодолеть противоречия ум выстраивает иерархию, начинается либо борьба с телом, либо потакание ему. И только душа оставляет нам наше животное, как средство выражения возвышенного.

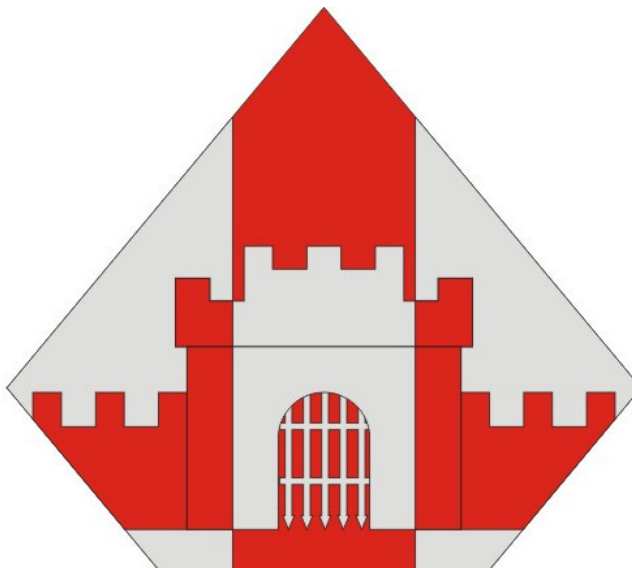
Чуть живого меня привели к учителю, я боялся взглянуть

ему в глаза. Однако выяснилось, что я ни в чем не виноват. Моя госпожа взяла всю вину на себя, еще и сообщила о том, что своей выходкой так перепугала прекрасного юношу. Я ликовал – юношу! То, что прекрасный – это была фигура речи, штамп, я это понимал. Но ведь, ни мальчика, а юношу. С этого момента я не просто заразился, я серьезно заболел.

Я не мог думать ни о чем, кроме как о моей госпоже, о прекрасной Евгении. Тем более при дворе разразился страшный скандал, Евгения разорвала помолвку и герцог – её отец пообещал заточить непокорную дочь в монастырь. На какое-то время она стала свободной. Чем больше я думал о ней, тем более мне казалось, что все препятствия исчезли: возраст – она сама назвала меня юношей, помолвка – расторгнута, титул – теперь её титул: уже не герцогиня ещё не монахиня. Непреодолимые стена и ров, заполненный пламенеющей жидкостью меня уже не пугали, но заставляли мечтать о победе. Осталось только взять эту крепость.

Но чем больше я думал о себе и мечтал о ней, тем больше я понимал, что не достоин её. Я не мог похвастаться доблестью и смелостью, я не совершил ни одного путешествия и не выиграл ни одного поединка. Эйфория сменилась печалью, печаль тоской и унынием. Я перестал работать, потерял сон, аппетит. Евгения, Евгения, Евгения – её решительность, голос, фигура, взгляд, печальная улыбка, походка, одежда и волосы, которые я так и не увидел, и, конечно же, герб: серебряные гора и крест в краном ромбе – всё это не да-

вало мне покоя. В конце концов, я слег. Уже придворные доктора отказались помочь мне. В один из дней, пребывая в лихорадке, я окончательно потерял сознание, и погрузился в удивительный мир. Собственно свидетельство моего пребывания в том удивительном мире и вернулось ко мне после стольких лет. Это своеобразные записки геральдиста – путешественника о тех местах, которые ему удалось посетить. Записки в большей степени представленные, как гербовник. Сейчас я их приведу в том виде, как я их записал после того, как очнулся после трехдневного беспамятства. Я и сейчас не сомневаюсь в том, что приключение, которое мне довелось пережить по ту сторону реальности, вернуло меня к жизни. Или это был уже ни я.

«Я – уже или еще – не понимаю, кто я есть. Меня настойчиво толкают. И вот серебристый свет ослепляет меня. Впереди меня путь, позади меня городские ворота. Над проходом прибит щит *«в серебряном поле червленый столб поперек щита переменных цветов городская зубчатая стена с закрытыми решеткой башенными воротами»*. Я почему-то

плачу: хочу вернуться и понимаю, что не смею. А стражник говорит мне, что не сейчас и не сюда. Он спрашивает, что я чувствую? Я отвечаю: – тоску и нежность одновременно. Он говорит: – Правильно, это одно из обличий неразделенной любви. Что если я окажусь достоин, то я смогу войти в другие ворота. Он советует мне, не медля, отправиться в путь и найти Её – Прекрасную Даму, потому что если я не успею, то уже некуда будет возвращаться.

От ворот почти параллельно идут две большие торные дороги. Много повозок и так пешеходов движутся по ним в любом направлении. Я стою и выбираю дорогу. Эй, белокнижник – доносится с правой стороны, – садись к нам, вмиг довезем до Главного скриптория, вашего брата сразу видно. Вот и выбор свершается. Я присаживаюсь на добротно слаженную телегу. Её хозяин всё еще ухмыляется своему, только что проявленному остроумию. Что не угадал, неужели тебе нужно было в это разбойничье логово – переспрашивает он меня, – а то беги, пока дороги не разошлись. Потом только на Полпути, и то если повезет, можно на оборотный путь перейти, – предупреждает он меня. Я благодарю и успокаиваю гостеприимного возницу, мол, всё как надо, потому что пока сам не понимаю, куда мне нужно отправиться, чтобы найти Её. Удовлетворенный, он продолжает путь.

За время пути я узнаю, что весь обитаемый мир держится их стараниями, все грузы перевозятся жителями этих двух провинций, обжившихся у своих трактов. И вот что удиви-

тельно, один тракт заканчивается Главным скрипторием, куда стекается вся информация о том, что оставило свой след, где бы то ни было. Но никто ничего не изучает и не оценивает, только фиксирует. Тут я действительно понимаю, что правильно выбрал направление, кто, если не эти странные архивисты, знающие всё, подскажет мне, где её отыскать. Другой тракт, странное место, воры и разбойники в нем самые законопослушные, а всё потому, что там иного народа и не бывает. Но главный народ живет на Полпути Справа или Полпути Слева. Мой доброжелатель, обещает, что мы на половине пути не задержимся, и он меня враз доставит к писарям.

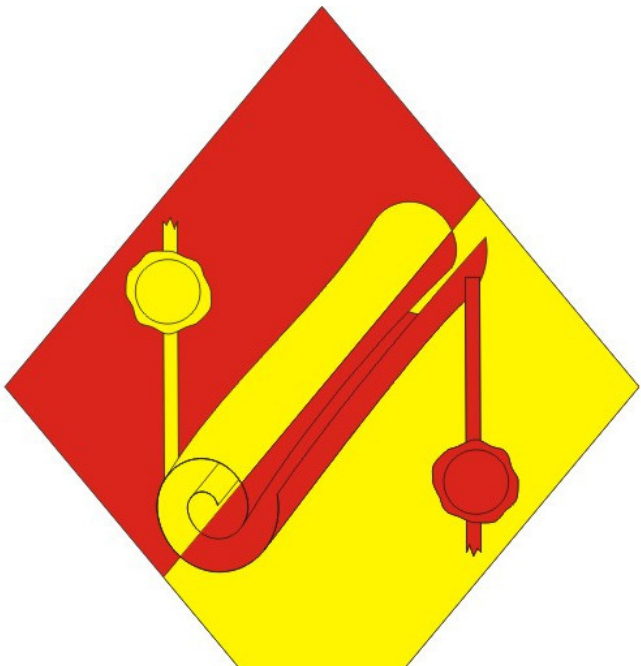

За разговором мы преодолеваем те самые полпути и оказываемся в городке среди леса. Трактиры и гостиницы, мастерские столяров, кузни и лесопилки – всё, что нужно для поддержания бойкой дорожной жизни. Возле одной из гостиниц я замечаю странное сооружение: молодое деревце с серебристой корой растет через огромное колесо от телеги,

придерживаемое столбами на весу. Мой попутчик объясняет: – это герб провинции в натуральном виде, только ему еще расти и расти, а вон там, – я перевожу свой взгляд по указанному направлению и вижу большое дерево, с разрытыми корнями, держащее на себе колесо, расположенное точно перед большим зданием, окрашенным в красный цвет, – там настоящий герб. А в другой провинции, – продолжает лекцию мой гид, – совсем ленятся, у них колесо просто висит на дереве. Мы подъезжаем к Постоялому двору, и я вижу висящий над входом щит: *«в червленом поле серебристое с корнями и зеленой листвой дерево, проросшее в центре золотого колеса»*.

Хозяин заведения, охочий до новичков и удовлетворенный моей реакцией объясняет мне, что еще никто не смог повторить его зрячего призыва, а когда он покрасил фасад в красный цвет, все до одного приезжие стали его клиентами. Остальные обслуживают местных. Меня представляют, как писаря; я представляюсь, как геральдист – путешественник. Я сомневаюсь, что я первый слышу секреты держателя постоялого двора. Но вероятно я первый, кто по достоинству оценивает его труды. Места хватает всем, потому что он уже дважды достраивал этаж, чтобы сохранить пропорцию. А то, как ему однажды втайне от всех пришлось за ночь колесо поменять – предмет его особой гордости. За похвалу его находчивости, за признание нового метода в гербостроительстве я зарабатываю бесплатный обед и себе, и моему спутнику.

По обеденной зале прошел слух, что тайные тропы, соединяющие одни Полпути с другими, открылись, и на этот раз здешний центр сошелся с тамошней закраиной. А бывает и наоборот. Все сразу оживились, кто-то побежал, кто-то стал раскладывать товар. Хозяин постоялого двора заговорил с кем-то, указывая в нашу сторону. Мой благодетельствующий попутчик торопит меня и, через мгновение мы снова в пути и преодолеваем лигу за лигой. Я спрашиваю, почему мы так спешно покинули постоялый двор? Он отвечает: – никогда заранее не известно, чем закончится схождение Правого Полпути и Левого Полпути, а нам сначала нужно попасть в Скрипторий. Он это знает. Всякий раз, когда ему предлагают перевезти куда-либо груз или попадается попутчик, он чувствует должен он это делать или нет, а вопрос о «хочу» или «не хочу», «могу» или «не могу» для него не стоит.

Я вижу перед собой добротный замок с пятью башнями. Мой провожатый объясняет мне, что каждая гильдия занята сбором своих источников: то, что можно услышать; то, что можно увидеть; то, что можно унюхать; то, что можно пощупать и то, что можно вкусить. Повозка въезжает в неохраняемые ворота, над которыми щит: *«скошенный слева на крас-*

ный и золото по линии деления переменных цветов завернутый свиток с вислыми печатями справа вверх и слева вниз». Мой добрый спутник расписывает свой товар, которым на поверку оказываюсь я сам. Но не в том, смысле, что он меня продает как собственность, а в том, что он просит благодарности за то, что важного человека им привез. Он прощается, я благодарю его, и мы расстаемся навсегда. Вот и вся выгода – везти меня.

Меня ведут в одну из башен и представляют тамошнему начальству. Не спрашивая моего согласия, усаживают за стол и просят переписать текст. Я старательно вывожу первые пять строк. Начальствующий старик удовлетворенно кивает и просит описать мои впечатления об увиденном в путешествии. Я быстро и уверенно рисую знакомые мне три герба. Старик сияет от счастья. Он отдает приказ, и через несколько минут в зал вносят добротную дорожную одежду с сумой и посохом. Старик снова заговорил со мной: «Я не знаю, кто ты, но ты не один из нас. Я знаю точно, что ты не задержишься, на тебе лежит печать искателя приключений, чтобы это не значило. Мы постараемся облегчить твою дорогу: накормим, снабдим всем необходимым, но мы просим тебя вести свой путевой дневник так, как ты только что нам продемонстрировал. И когда путь твой подойдет к концу, отошли бумаги к нам. Даже если случится непоправимое, то наши бумаги не пропадут рано или поздно они вернуться к нам. Бумагой мы тебя тоже снабдим». Я понимаю – это необремени-

тельная просьба за хорошую услугу. Но я сам надеюсь получить от них информацию. Я задаю два вопроса. Почему мои записки так нужны им? Если к ним стекается вся информация, не знают ли они, где мне отыскать Прекрасную Даму? И получаю два ответа. До сих пор никто не мог точно передать о том, где какой герб: их или вообще не видят или видят по разному; до сих пор они имели дело только с альтернативами, теперь они столкнулись со свершившимся. Ответ на второй вопрос я получаю в виде внесенных в зал доспехов и оружия. Старший извиняется, что сразу не разглядел во мне паладина. Он не знает, где Прекрасная Дама, но он точно знает, что их просьба и моя миссия связаны меж собой.

Я покидаю замок уже на коне в рыцарском облачении с едой в дорожной сумке – необычное гостеприимство. Мне не дают совета, куда ехать – из замка ведут две дороги обе в одну сторону к Полпути. Я выбираю ту, которой не знаю, которую легче проехать верхом или пройти пешком, нежели на телеге. Мне нравится ехать верхом, хотя у меня нет никакого навыка. В одиночестве мысли о предстоящей миссии полностью захватывают меня, и я не замечаю, как оказываюсь в Полпути. Дорога по касательной проходит мимо, знакомого мне, постоялого двора, только вход с другой стороны.

Я оказываюсь в пустой части зала, на меня смотрят все остальные, но никто из гостей не смеет подойти или присесть. Подходит хозяин, он не узнает меня, спрашивает – что

господину рыцарю угодно? Я напоминаю ему о том, как я совсем недавно заработал здесь бесплатный обед. Он, не скрывая, радуется тому, что неизвестность миновала, его успокаивает тот факт, что рыцарь один прибыл по неторному пути из Скриптория, и этот рыцарь я. Осмелев, ресторатор начинает слегка наглеть. Заявляет, что кем бы ни был господин, но за одну услугу он платит один раз. Я уточняю, в чем же заключалась моя услуга. Отсутствие критики, а скорее наоборот, похвала из уст специалиста, – поясняет пройдоха. Тогда я сообщаю ему, что герб сей Провинции, навсегда вошел в гербовники этого мира в том виде, в каком я его узнал здесь на Постоялом дворе. И если он не хочет, чтобы я внес коррективы, а пока у меня есть такая возможность, он должен накормить меня. Я не успеваю договорить, а ко мне на стол уже летит жареный гусь.

История повторяется. В зал, где я уже сижу, входит толпа разных людей. Что означает, что сошлись здешняя закраина с тамошним центром. Люди ведут себя развязано. Повсеместно начинается торг, а кто-то из этой провинции устремляется к выходу, чтобы успеть попасть в другие Полпути. Мне кажется, это хорошим способом сократит путь, но к моему столу никто не подсаживается. Я обращаюсь к прибывшим: «Кто сможет оценить, насколько гусь в этом Полпути лучше гуся из того Полпути?» Молодой парень в жутких обносках, выдержав паузу, отвечает, мол, чтобы узнать это, нужно попробовать гуся и там, и здесь, а сколько он живет

на свете, еще ни разу его не угощали гусем ни там, ни здесь. Под общий хохот, я предлагаю ему исправить такую очевидную несправедливость, обещая раздобыть для него гуся и в другом месте. Он бесцеремонно закидывает гуся в мешок и направляется к выходу со словами, что рыцарю не мешало бы поторопиться, а то сей, хорошо задуманный эксперимент может провалиться, а у него, как назло, память коротка. Я выхожу с Постоялого двора и не нахожу своего коня. Парень видит моё смущение и начинает истово смеяться, мол, поищите еще такого глупака, чтобы оставить коня без присмотра, когда в любой момент могут явиться разбойники из Логова. При этом он не забывает меня поторопить. Пропетляв по странным тропам совсем не долго, мы оказываемся у другого постоялого двора.

Другие Полпути точь-в-точь похожи на прежние – их зеркальное отображение, только герб иной: *«в червленом поле серебристое с корнями и зеленой листвой дерево, с висящим на нем золотым колесом»*. И тут я понимаю, что с конем ушли все мои бумаги. Как теперь выполнить наказ архивистов? Мы заходим в Гостиный двор, и нас встречает все

тот же хозяин. Удивлены, – спрашивает он меня, – не бойтесь: мы с братом всего лишь близнецы. Я готов оказать Вам услугу – продолжает он, – но за услугу – что вы можете сделать для меня? Я готов выслушать Вашу версию происхождения герба Полпути, – отвечаю я, – и решить, чей герб правильный. Я и так знаю, чей правильней: мой – герб той Провинции, а мой брат присвоил его, когда смог соорудить его первым, а придумал его я, – сообщает свою версию хозяин, – он же просто хотел повесить колесо на дерево. Так, что я не нуждаюсь в ваших комментариях, а вот вам нужны ваши вещички, – и ресторатор, потряхивает моей дорожной сумкой, – так что придумайте, что поинтересней. Не видать мне второго гуся, – потихоньку заявляет мой провожатый. Я понимаю, что попал в неловкую ситуацию: обворован, есть возможность вернуть вещи, без которых я не могу завершить дело, но вернуть их означает лишиться возможности расплатиться с пареньком.

Хорошо, – заявляю я, – мне не интересно, как эти вещи попали к Вам, одно то, что вы готовы их вернуть делает Вам честь. Но у Вас появилась прекрасная возможность утереть нос Вашему брату в вопросе приготовления гусей. Сей молодой человек, – и я указываю на моего попутчика, – любезно согласился быть экспертом. Мы прихватили гуся, приготовленного поварами вашего брата, он еще теплый. Не стоит упускать такой случай. А если я проиграю? – интересуется, заинтригованный ресторатор. А если Вы про-

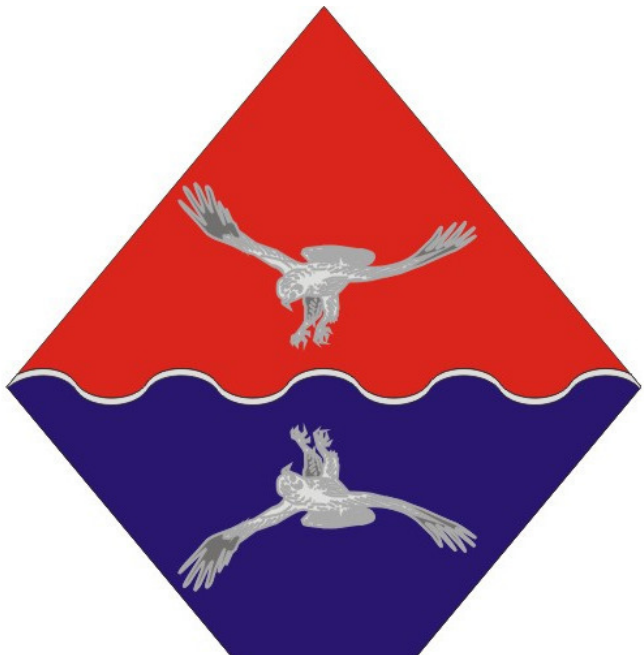
играете, Вы оставите бумаги архивистов у себя, я не закончу свой труд по составлению подлинного гербовника этого мира, и в Скриптории так и не появиться описания ни герба придуманного Вами, ни герба, который Вам пришлось принять для своей провинции. На что хозяин восклицает: «Так вот почему они, забрав коня, оставили вещи, и сказали, мол, сам думай, что и как получить с рыцаря, который за ними вернется. У нас, видите ли, не принято мешать делам Скриптория, на это никто не решится ни вор, ни разбойник, ни честный, ни получестный – такой как я. Забирай свои бумаги, и садимся за гуся». За гусей, – поправляет его молодой проныра. За гусей! – соглашается старый проныра.

За едой выясняется, что мой провожатый потомственный попрошайка, далеко на заработки его еще не отпускают, но в обеих Полпути он уже известная личность. Живет он в Логове и там он всё про всех знает, и он догадывается, кто украл моего коня. Дело осложняется тем, что в Логове нельзя воровать, а точнее невозможно своровать – не принято. Поэтому придется возвращать коня честным путем. Второй гусь оказывается действительно вкусней, оно и понятно – во-первых, куда как проще сделать больше того о чем уже знаешь, во-вторых, просто свежее, в-третьих, эксперт из местных. Но мы составляем документ на бумаге из моей сумки, после долгих уговоров, вносим туда мои поправки, уточняющие победу, и вывешиваем на всеобщее обозрение в рамке, из которой вынимаем натюрморт. И я понимаю, что те-

перь до скончания века второй брат будет пытаться заполучить гуся, приготовленного на кухне его соперника, чтобы устроить альтернативное судилище, но у него ничего не получиться, также как нельзя поменяться гербами.

На всякий случай я интересуюсь у моего провожатого, не принято ли у них воровать людей. Оказывается, что нет: жизни лишить в честной драке за спорное добро, это можно, а воровать самих людей – это не честно. Спорное добро – это вообще любая вещь. Честная драка – это крайняя мера, позволяющая раз и до следующего раза выяснить, кто же хозяин спорного добра. Мой конь – он уже не мой конь, но если я хочу его вернуть, то я должен придумать способ. Но труднее доказать, что эта вещь остается твоей, чем организовать работу судов, что тоже не возможно в Логове воров. Но я успокаиваюсь насчет моей главной цели, по крайней мере, моя Прекрасная Дама не украдена разбойниками.

В Логове весь народ поделен на пять гильдий: самая старшая и авторитетная – воры; затем – разбойники; мошенники; шантажисты и попрошайки – младшая гильдия. Я и мой консультант не сомневаемся, что это сделал вор. Мой консультант и попутчик знает одного вора, который пытается украсть коня даже, когда на нем седок.

Наконец я вижу перед собой Логово: милый, городок с чистыми улицами и аккуратными домами. Мой попутчик настоятельно просит дать ему возможность забежать домой. Из дома, который в другом месте мог бы принадлежать аптекарю или мелкому купчишке, вышел чистый нарядный молодой человек. Он объясняет, что не должен в рабочей одеж-

де бродить по Логову. Мы отправляемся в центр города, где на ратуше красуется герб: *«поле пересечено серебряной волнистой линией на червлень с серебряным спускающимся за добычей ястребом и лазурь с серебряным отражением птицы»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.